

— Спеши, спеши, — говорила птица, — ведь людям
Труднее всего, когда жизнь реальна¹.

Т. С. Элиот

Покорись же, о заблудший атом, своей Центростремительной Силе,
Стань тем Зеркалом Вечности, в которое смотришься сам;
Лучами, которые странствуют вечно сквозь беспредельную тьму,
Вернись, когда диск солнца опустится за земную твердь.

Фарид ад-Дин 'Аттар
"Птичий парламент",
в переводе Фицджеральда²

Хромающий Ворон блуждал, пачкая то, что от него осталось.
Он стал собственной тенью, выплюнутым отбросом.
Он был тем, что его мозг никак не мог понять.

Тед Хьюз
"Товарищи Ворона по играм"

Пески времени текут к новому Истоку.
Игнатий К. Грибб
"Философия универсальных цитат"

1 Перевод А. Сергеева.
2 Рушди цитирует перевод поэмы на английский язык, выполненный
Эдвардом Фицджеральдом. С него и сделан перевод.

Часть первая

НАСТОЯЩЕЕ

Мистер Вергилий Джонс, человек без друзей и обладатель языка, чуть великоватого для его рта, любил спуститься со своего утеса посидеть на берегу поутру в день Марса. (Мистер Джонс, немного педант и человек, интересующийся природой вещей, именовал дни своей недели только как день Луны, день Марса, день Меркурия, день Юпитера, день Венеры, день Сатурна и день Солнца; наряду с прочими вещами подобное манерничанье и стало причиной того, что он остался без друзей). Было пять часов утра; без каких-либо очевидных оснований, совершенно случайно, мистер Джонс обычно выбирал именно это время, чтобы выразить свою любовь к единственному пляжику острова Каф. Слегка похожий на горного козла, он быстро спускался по серпантину тропинки, следуя за проворной сгорбленной старухой по имени Долорес О'Тул, несшей на своей спине исключительной красоты кресло-качалку из орехового дерева. Кресло держалось за счет ремня, изъятых из брюк мистера Джонса. Так что он был вынужден придерживать их обеими руками. Это чрезвычайно осложняло ему спуск.

Вот еще немного фактов о мистере Джонсе: был он тучен и близорук. Отказываясь верить в собственную немощь, его глаза часто моргали. У него было три инициала: В. Б. Ч. Джонс, эсквайр. Б. означало Бовуар, а Ч. — Чанакья. Все без исключения имена мистера Джонса имели свою историю и назначены были магически определять судьбу, и он, не имея никакого отношения к магии, считал себя своего рода историком. Ступив сегодня на бесплодные серебристо-серые прибрежные пески своего избранного острова, окруженного со всех сторон серебристо-серым туманом — тот вечно висел над омывающими остров морями, которые разделяли его и мир, — мистер Джонс обрек себя на встречу с событием пусть небольшим, но все же исторического масштаба. Знай он об этом наперед, он бы долго философствовал о шествии истории, о том, что историк не может стоять в стороне и наблюдать; это ошибка, сказал бы мистер Джонс, — видеть в себе эдакого летописца с Олимпа; историк — участник этого шествия. Он всегда подвержен влиянию настоящего, которое постоянно воссоздает прошлое. Мистер Джонс тщательно бы все это обдумал, хотя уже некоторое время шествие истории проходило без его помощи. Но по причине близорукости, из-за тумана и необходимости непрерывно поддерживать руками штаны он не сразу заметил тело Взлетающего Орла, прибываемое к берегу приливными волнами; Долорес же О’Тул была избавлена от неприятной роли зрительницы.

Иной раз, пытаясь совершить самоубийство, люди попадают в такие ситуации, что от удивления у них просто дух захватывает. Взлетающий Орел, который сейчас быстро двигался в сторону острова на гребне волны, был весьма близок к открытию этого факта. Но пока что он пребывал в беспамятстве; он только недавно провалился в дыру в море. Это море когда-то называлось Средизем-

ным; сейчас это было не так или, лучше сказать, не совсем так.

Старуха Долорес опустила кресло-качалку на песок. Мистер Джонс одобрительно следил за приготовлениями. Кресло стояло так, чтобы сидящий в нем оказывался спиной к морю, лицом к лесистым склонам горы Каф, занимающей большую часть острова и оставляющей свободным только небольшой карниз прямо над берегом, где как раз и жили мистер Джонс и Долорес. Мистер Джонс уселся в кресло и принялся покачиваться.

Долорес О'Тул некогда была католичкой. Иногда она предавалась порочному удовольствию, убажая себя церковными или римскими свечами. Она делала это потому, что рассталась со своим мужем, но не со своими желаниями. Ее бывший муж, мистер О'Тул, заправлял питейным заведением в городе К., раскинувшемся высоко на склоне горы Каф, а Долорес относилась с неодобрением к городу К. в целом, к пьяницам в частности и к своему мужу в особенности. Она выражала свое неодобрение тем, что жила теперь уединенной жизнью вместе с Вергилием Джонсом (далеко от К., от бара мистера О'Тула и от его излюбленного места отдохновения, печально известного борделя мадам Иокасты). И каждый день Марса, на рассвете, она относила кресло-качалку мистера Джонса вниз на пляж.

— Скучное, — пробормотал себе под нос мистер Джонс, сидя к морю спиной. — Скучное сегодня море.

Тело Взлетающего Орла, покачивавшееся на волнах лицом вверх — это объясняло тот факт, что он так и не утонул, — наконец ткнулось в берег. Взлетающего Орла и спинку кресла-качалки мистера Джонса разделяло всего ничего, и набегающие волны раз за разом выталкивали Орла все дальше на берег. Ни мистер Джонс, ни миссис О'Тул его пока что не замечали.

Нужно сказать, что Взлетающий Орел был человеком в целом добрым и неплохим; тем не менее довольно скоро на его плечи предстояло лечь ответственности за изрядное количество смертей. Так же как и второй мужчина на берегу, Взлетающий Орел пребывал в здравом уме, а вторым мужчиной на берегу был не кто иной, как мистер Вергилий Джонс.

Взаимоотношениям Вергилия Джонса и Долорес О'Тул была свойственна необычайная симметрия: они любили друг друга, но не считали возможным выразить свою любовь. Их любовь не была прекрасной, поскольку и Вергилий, и Долорес отличались крайним уродством. Выражению любви как с одной, так и с другой стороны мешало то, что они оба были чрезвычайно глубоко ранены предыдущим опытом и теперь предпочитали лелеять свои чувства в укромной глубине собственных сердец, а не выставлять их напоказ, рискуя оказаться осмеянными и отвергнутыми. Разделенные этими личными тайнами, они все же сидели рядом, и Долорес принималась выводить надтреснутым голосом беззубые песни, траурные и просительные; Вергилий Джонс тем временем произносил свои бойкие эллиптические монологи, упражняя мысль и язык, для которых голова его была слишком тесным пристанищем. В такие минуты на пустынном пляже эти двое оказывались к своему возможному счастью ближе, чем где-либо. — Любимый мой, желанный мой, да с белой бородой, — меланхолически пела Долорес в такт движениям кресла-качалки. Погруженный в свои мысли Вергилий поглаживал белесый подбородок и не слышал ничего.

— Язык, — вслух размышлял он, — язык создает понятия. Из понятий слагаются звенья цепи. Я прикован, Дотти, прикован и не знаю к чему и где. Недостаточно эфира, чтобы идти путем Гримуса, и недостаточно земли, чтобы идти путем К. — меня мысленно носит взад-вперед между

ними и тобой. Долорес О'Тул. Печаль богов. Знаешь ли ты, дорогая моя, что я не всегда был таким, как сейчас. Грозатитек. Да, я. Когда-то. Тогда. Раньше.

— Рано-рано поутру, когда Сын рождался, шла я, дева, по лугу, слезы проливала, — надрывалась Долорес.

Пребывающего в беспамятстве Орла теперь отделял от кресла-качалки всего какой-то фут.

— Этот остров, — очень тихим, но твердым голосом продолжал рассуждать Вергилий Джонс, — самое ужасное место из всего сотворенного. Но поскольку мы как будто продолжаем жить и не вступаем на его пути, то мы как будто продолжаем любить.

Дальнейшие его излияния должны были коснуться ритуалов, одержимости, нервных срывов и механизма вытеснения, порождаемых изгнанием, возраста, ощущения западни, а еще любви и дружбы, состояния его мозолей, орнитологической стороны мифа; он бы оттачивал мысли и хватался за новые, навеянные мирным присутствием Долорес; сама она все так же пела бы и пела, до тех пор пока песни не выжали бы из нее слезу; и после этого они пошли бы домой.

Но тут тело Взлетающего Орла уткнулось в замечательные резные полозья замечательного резного кресла с замечательной резьбой, изображающей перевитых в танце граций. Словно оскорбленное, кресло остановилось.

— Смерть, — в ужасе воскликнула Долорес О'Тул. — Смерть из моря...

Вергилий Джонс в ответ не сказал ничего, поскольку рот его в тот момент был полон морской воды, прежде находившейся в легких Взлетающего Орла. Тем не менее он, хоть и усердно вдыхал в незнакомца жизнь, также был обеспокоен.

— Нет, — наконец отозвался он, желая убедить не только Долорес, но и себя. — Лицо слишком бледное.

Примечательный факт: обитатели острова, которые не должны были слишком удивляться прибытию Взлетающего Орла на остров Каф, тем не менее сочли его тревожным, более того, пугающим. Тогда как сам Взлетающий Орел, кое-что узнав и кое в чем разобравшись, быстро стал воспринимать свое появление на острове как совершенно ничем не примечательное.

То, что он узнал, сводилось к следующему:

Никто не попадает на остров Каф случайно.

Гора притягивает себе подобных.

Или, может быть, это делает Гримус.

❖ II ❖

День начался недурно. Вернее сказать, он был достаточно похож на предыдущий (в плане погоды, температуры и настроения), чтобы создавать у полусонного молодого человека иллюзию непрерывности. Однако этот день также достаточно отличался от недавно прошедшего (в плане таких тонкостей, как направление ветра, крики птиц, высматривающих сверху еду, и клекот женщин внизу), чтобы вызвать равную и противоположную иллюзию движения времени. Наслаждаясь гармоничной контрастностью этих двух миражей, молодой человек медленно возвращался в сознание, которое должно было изгнать контрастную пару и заменить ее третьей иллюзией: настоящим.

Этим молодым человеком был я. Я был Джо-Сью, индейцем аксона, сиротой, получившим смешанное имя из-за того, что до некоторого времени мой пол не был определен, девственником, младшим братом дикой самки по имени Птицепес, которая очень боялась потерять свою красоту, но по иронии судьбы красивой никогда и не была. В тот день мне (ему) исполнился двадцать один год, и мне

предстояло стать Взлетающим Орлом. Перестав при этом быть кое-кем другим.

(Я был Взлетающим Орлом.)

Двадцать первому дню рождения индейцы аксона не придают никакого значения. Они празднуют только наступление половой зрелости, потерю девственности, доказательство храбрости, свадьбу и смерть. Когда праздновалось наступление моей половой зрелости, старейшины взяли козью шерсть и привязали ее мне как бороду под подбородком, после чего шаман натер мои наконец обретшие силу органы заячьими кишками для пущей плодовитости, вознося при этом молитвы богу аксона.

Заповедей у бога аксона было всего две: бог любил, чтобы аксона воспевали его как можно чаще: в поле, в туалете, во время занятий любовью, если получалось сосредоточиться, а еще он наказал аксона жить отдельной расой и не иметь никаких дел с нечестивым миром. Мне самому так и не удалось уделить богу аксона должного внимания, особенно после достижения половой зрелости, потому что едва мой голос сломался, он стал таким неприятным, что я полностью отказался от песнопений. А потом была Птицепес, которая испытывала огромный интерес к внешнему миру. Если бы не этот интерес, она, возможно, никогда не повстречала бы бродячего торговца по имени Сиспи, никогда не ушла бы из племени, а вслед за ней и я никогда не ушел бы из племени, и все могло бы пойти по-другому. Хотя не исключено, что какой-нибудь Сиспи появился бы все равно.

Теперь позвольте объяснить вам кое-что. Я родился и вырос на горном плато в стране, которая все еще (мне хочется верить в это) носит название Соединенные Штаты или, что более общеупотребимо, Америндия. На плато мы жили на полном самообеспечении: иными словами, там можно было найти всю необходимую для аксона еду.